

Мария Бекетова

Александр Блок и его мат

Мария Андреевна Бекетова Александр Блок и его мать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2998025

Аннотация

«Сочувствие, с которым принята была в публице моя книга об Александре Блоке, заставляет меня продолжать писать в том же духе, добавляя свой первый очерк новыми матерьялами. Относительно первой половины жизни поэта я должна буду довольствоваться только личными воспоминаниями и письмами, так как сестры моей Александры Андреевны уже нет в живых. В остальном мне поможет вдова поэта.

Предупреждаю читателей, что многие даты в моей биографии оказались неточными, так как я писала ее, не имея в руках всех бумаг и писем, касающихся Александра Александровича, и пользовалась только указаниями его матери, память которой сильно ослабела в последнее время. Теперь все даты тщательно проверены и исправлены.

Портреты и группы, собранные в этой книге, должны были появиться в моей биографии, но не вошли туда по не зависящим от издателя обстоятельствам. Я начну с пояснений и воспоминаний, касающихся этих портретов...»

Содержание

Вступительная заметка	5
Александр Блок	7
Глава I	7
Глава II	18
Конец ознакомительного фрагмента.	31
Комментарии	

Мария Андреевна Бекетова

Александр Блок и его мать

Сочувствие, с которым принята была в публиче моя книга об Александре Блоке, заставляет меня продолжать писать в том же духе, добавляя свой первый очерк новыми матерьялами. Относительно первой половины жизни поэта я должна буду довольствоваться только личными воспоминаниями и письмами, так как сестры моей Александры Андреевны уже нет в живых. В остальном мне поможет вдова поэта.

Предупреждаю читателей, что многие даты в моей биографии оказались неточными, так как я писала ее, не имея в руках всех бумаг и писем, касающихся Александра Александровича, и пользовалась только указаниями его матери, память которой сильно ослабела в последнее время. Теперь все даты тщательно проверены и исправлены.

Портреты и группы, собранные в этой книге, должны были появиться в моей биографии, но не вошли туда по не зависящим от издателя обстоятельствам. Я начну с пояснений и воспоминаний, касающихся этих портретов.

Вступительная заметка

Портрет отца поэта, Александра Львовича Блока, снят в 1878 году в Варшаве, когда он жил там один в разлуке с невестой. Портрет снят в очень благоприятную минуту, но, во-первых, Александр Львович был тогда красивее, а во-вторых, портрет не передает того мрачного демонизма, который был свойствен Ал. Львовичу и так метко очерчен в автобиографическом очерке его сына словами: «В этом искании сжатых форм было что-то судорожное и страшное, как и во всем душевном и физическом облике его». На этом портрете лицо задумчивое, пожалуй, несколько грустное, но никак уж не страшное. В тот год Ал. Львовичу было 26 лет. Интересно сравнить это лицо с лицом его сына в 27 лет (почти тот же возраст) на портрете, снятом в фотографии Здобнова, в блузе с белым воротником. Не буду навязывать своих взглядов. Думаю, что в общем они сойдутся со впечатлением всякого, кто взглянет на оба портрета без предвзятых мыслей.

В пору снятия описанного портрета Ал. Львович, наверно, очень тосковал по невесте. Между прочим, он безумно ее ревновал, зная, что в ректорском доме¹ каждую субботу собирается целая толпа молодежи, многие из которой близко знакомы; он боялся, что она не удержится от кокетства и вообще будет слишком веселиться, проводя время с молодыми людьми, которые легко поддавались ее обаянию. В то время сестра моя Ася была действительно очень кокетлива и обаятельна. Кокетство ее было совершенно невинного свойства, но случалось, что, даже помимо ее желания и вполне бессознательно, она внушала очень глубокие чувства. Это-то все, очевидно, и мучило ее жениха. Но, как все ревнивцы, он не понимал того, что кокетство его невесты не более как невинная забава и что она по натуре своей совершенно неспособна изменить, раз она связала судьбу свою с кем-нибудь серьезно.

Под влиянием ревности он написал невесте в очень резкой форме, чтобы она не смела присутствовать на субботних сборищах. Удивительно, что сестра, обычно довольно-таки своевольная в отношениях со старшими в семье, на этот раз послушалась жениха беспрекословно и в ближайший субботний прием заперлась у себя в комнате и не выходила весь вечер, так что все думали, что она заболела. Что и говорить, Ал. Львовичу было о чем призадуматься: то тот, то другой из завсегдатаев дома Бекетовых² нет-нет, да и посвятит стихи Александре Андреевне; правда, оба молодых человека приходились сродни поэтам – один был Батюшков, другой Майков³ и даже ухаживали они за другими моими сестрами, но все же писали стихи и невесте Ал. Львовича. Студенты, идущие на трудный экзамен, почему-то просили благословить их именно Александру Андреевну, а не кого-либо из ее трех сестер. А там ходит огорченный и мрачный – отвергнутый жених, бывший товарищ по гимназии Ал. Львовича, за которого Ася одно время совсем было собралась выйти замуж, да спохватилась и, поняв, что она его не любит, написала ему отказ на листочках, вырванных из учебной тетрадки. И, пожалуй, еще того больше огорчен и расстроен другой поклонник, который был очень вхож к нам в дом, когда Ал. Львович еще не бывал у Бекетовых. Этот неловкий поклонник усердно дарил Асе шоколад и нещадно дразнил ее, так что она только сердилась и ничего не подозревала об его чувствах.

И вот не успел он оглянуться, как у него из-под носа взял ее Ал. Львович.

¹ В доме моего отца.

² Мать Ал. Блока – урожденная Бекетова.

³ О Ф. Д. Батюшкове см. выше, прим. 6 к гл. 14 «Биографии». О каком именно Майкове идет речь, мы не знаем. Ниже М. А. Бекетова именует его племянником поэта, Валерианой Николаевичем. Однако так звали брата поэта А. Н. Майкова, известного критика, умершего еще в 1847 г. Ни один из известных нам Майковых под эти определения не подходит.

Все те, о ком я сейчас пишу, уже давно покойники, и сама она, бывшая в те дни грациозной, очаровательной девушкой, теперь успокоилась в могиле после долгих, тяжких страданий. Не знаю, насколько портрет ее, снятый невестой в 1878 году (18-ти лет), передает ее тогдашнее обаяние. Он слабее оригинала. Грация позы, женственность и миловидность, кажется, переданы, но остальное не вышло. Да ведь и нельзя передать на фотографии нежность и блеск цветов, прелесть улыбки и движений, а ведь красота сестры была именно в этом. Такие лица, как у нее, плохо выходят на фотографии. На портрете 78-го года она одета в легкое шерстяное платье кофейного цвета. В 18 лет была она еще далеко не созревшая женщина, а девушка-ребенок, которому слишком рано выпал на долю брак с таким интересным, трудным, сложным и неудержимо жестоким человеком, каким был Александр Львович Блок.

Александр Блок

Глава I Раннее детство Ал. Блока

Передо мной портрет матери поэта с маленьким Сашей на руках. Ему было в то время 2½ года, ей около 23-х. Этот кабинетный портрет был снят в фотографии Болингера на Б. Морской в апреле 1883 года. На Саше сшитое матерью синее с зеленым шерстяное платьице. В пору снятия портрета он ходил дома в длинных белых передниках с проймами для рукавов и застежкой сзади. Саша был в то время очень здоровенький, большой и тяжелый ребенок, так что матери трудно было удерживать его на руках. На портрете у него какое-то угрюмое выражение; можно подумать, что он был неповоротливый и невеселый ребенок, и миловидность его пропадает. На самом деле он был тогда очень живой, шаловливый мальчик. Удивительная нежность его цветов и кожи, веселые светлые глазки и милая болтовня делали его очень привлекательным. Говор у Саши был очень мягкий и нежный, в нем совершенно отсутствовали те неприятные *ш* и *ж*, которые часто свойственны маленьким детям и придают такую грубость ихговору.

Жил Саша в то время в верхнем этаже ректорского дома. Детская его помещалась в той самой комнате, выходившей окнами на университетский двор (в части дома, более отдаленной от улицы), где он родился⁴. Здесь он спал и кушал, но играл далеко не всегда. Пока няня убирала его комнату, он проводил время то у прабабушки А. Н. Карелиной⁵, комната которой была за стеной его детской, то у тети Кати, нашей старшей сестры, которая особенно его любила. Тетя Катя поздно вставала, и потому, когда Саша был еще на руках, его приносили к ней в постель, где она долго с ним нянчилась и всячески его забавляла. Когда Саша научился ходить, обычай будить тетю Катю и играть с ней по утрам остался в силе. Помню, что, сидя у нее на коленях, он очень любил рассматривать картинки, изображавшие хорошеньких девочек, нарисованных на золотом фоне. Это были не то эльфы, не то цветы. У каждой был на голове какой-нибудь цветок, и он же украшал ее короткое платьице и жезл, который она держала в руках. Эти милые картинки Саша рассматривал без конца и называл их почему-то «булиля». Около полудня часто отправлялся Саша в бабушкину спальню, выходившую окнами на Неву. Здесь он совсем еще маленьким прыгал на столе и на кресле и, стоя на подоконнике, поддерживаемый кем-нибудь из домашних, дожидался, когда ударит пушка. А весной смотрел на Неву, следя за яликами, барками и пароходами. Войдешь, бывало, в эту комнату в солнечный день и увидишь яркую полосу синей Невы, сверкающую из-под белой маркизы, а на окне – веселый, розовый мальчик и при нем кто-нибудь из взрослых. Все жители ректорского дома принимали Сашу с расprostертыми объятиями. В дедушкином кабинете, тоже выходившем окнами на Неву, он подолгу сидел на ковре и рассматривал картинки в больших томах Бюффона и Брэма.

Много бегал Саша по комнатам обширного ректорского дома, особенно наверху, в длинной, светлой зале и не раз опускался и поднимался по теплой внутренней лестнице, устланной ковром, которая соединяла два этажа. Вставал он рано, как все дети, и успевал утром и погулять, и поиграть. В хорошую погоду он гулял, еще среди дня, после 2-х часов. Его водили чаще всего по солнечной Университетской набережной, а весной и осенью в

⁴ Ректорский дом теперь совершенно перестроен внутри, в нем помещаются аудитории и канцелярии.

⁵ Наша бабушка по матери, которая жила у нас в первые годы Сашиной жизни и присутствовала при его рождении.

университетский ботанический сад, о существовании которого не имеют понятия многие жители Петербурга^[1]. Когда родился Саша, сад был еще в хорошем виде и целы были те великолепные осокори Петровских времен, которые погибли при постройке химического дворца.

Забавы Саши были разнообразны. В возрасте около года он любил играть двумя большими серебряными ложками. Помню какой-то зимний вечер, когда его невозможно было уложить спать. Он сидел на руках у няни Сони⁶ перед большим столом с оживленным видом и преспокойно забавлялся своими ложками, как будто и не нужно было ложиться спать.

Позднее ему надарили резиновых игрушек. У него была резиновая корова, коза, паяц и мальчик. Коза с дырочкой на животе при нажиме издавала пищавый звук. Раз как-то Саша придумал следующую игру: он взобрался на диван, где лежала коза, сел на нее и, когда слышался писк, объявил нараспев: «Коза огольцена!» И проделал эту штуку много раз кряду. Тогда же были в ходу деревянные чурочки, мячик и деревянная посудка. Очень любил он животных. Так и вижу, как он идет по комнате в розовом батистовом платице, которое к нему особенно шло, и бережно несет в переднике двух котят, с которыми долго потом забавлялся.

Уже в те ранние годы Саша был большой забавник и выдумщик, но и капризник, так что сладить с ним было трудно. Так иногда во время прогулки он внезапно садился на тротуар и долго не соглашался идти дальше. Такой случай был на Университетской набережной. Мимо проходил старый академик Брандт, который остановился и, приняв расхолившегося Сашу за девочку, сказал наставительным тоном на ломаном русском языке: «Ай, ай, ай, какая нехорошая барышня! Разве так можно?»⁷.

Да, Саша был далеко не «пай-мальчик». Порывы веселости, смеха, причуд сменялись у него капризами и вспышками гнева. Но все же он чаще был весел и мил, чем сердит и не в духе. Веселая, молодая и умная мать, не менее веселая и очень занятая бабушка да и другие члены семьи умели быстро развлечь его, и он опять становился мил, приветлив и весел. Особенно с матерью: он ласкал ее, целовал ей руки, называл с нежностью «ма-ма-мамиселька». Он вообще любил придумывать какие-то особые уменьшительные для любимых людей и вещей. Свой маленький столик, на котором он расставлял игрушки, он называл «стол-столисецка».

В раннем детстве, так лет до трех, все звали Сашу Бибой. Это название, конечно, придумала его мать. По общему приговору родных и друзей Биба был очаровательное дитя. Ольга Михайловна Соловьева, наша двоюродная сестра, художница, увидав его в первый раз, сказала, что он «для картины», а наша близкая знакомая Анна Николаевна Энгельгардт (известная переводчица, жена Ал. Ник. Энгельгардта) восклицала при виде маленького Саши: «Маркиз в пудрамантеле!»⁸. Бибу обожали и баловали на все лады. Любил его и старый швейцар ректорского дома Карасев, радостно встречавший его, когда он шел гулять или возвращался с прогулки, – розовый, оживленный и очень голодный. Аппетит у Бибы был прекрасный, его не нужно было уговаривать кушать котлетки, пить молоко и т. д.

Из друзей и знакомых, посещавших нас в то время, особенно много занимались с Сашей моя гимназическая подруга Ольга Алексеевна Желябужская, в замужестве Мазурова, и студент Конрад Викторович Недзвецкий, который женился впоследствии на племяннице моего отца⁹. С его-то детьми Саша и играл гимназистом, как упомянуто в моей биографии.

⁶ Няня Соня была любимая Сашина няня, которая ходила за ним до семи лет с перерывом в 1½ года.

⁷ Здесь, очевидно, какая-то путаница, т. к. академик Федор Федорович *Брандт*, знаменитый зоолог, скончался еще в 1879 г., т. е. до рождения Блока.

⁸ Об *Анне Николаевне Энгельгардт* (урожд. Макаровой, 1836–1903) и ее муже *Александре Николаевиче* (1823–1893) см. подробнее ниже.

⁹ Об *О. А. Мазуровой* и *К. В. Недзвецком* см. подробнее ниже. Семья К. В. Недзвецкого поддерживала отношения с

Остается сказать еще несколько слов о пребывании Саши в Шахматове в первые годы его детства. Там его радостям и забавам не было конца. Одним из главных источников этих радостей, кроме гулянья, цветов, грибов, деревенской еды, земляники и пр., были животные, в особенности собаки. Об его пристрастии к животным – всем без различия – я напишу особую заметку, пока же ограничусь этим кратким указанием.

В Шахматове Саша жил до трех лет в особом флигеле¹⁰, где у него была кровать с высокими решетками и тюлевым пологом от комаров. Он спал в одной комнате с матерью, рядом помещалась няня. В том же флигеле жила в отдельной комнате и прабабушка его А. Н. Карелина. Сидя на высоком стульчике перед некрашеным столом, в длинной салфетке, завязанной сзади, Саша пил молоко и кушал, что ему полагалось, пока его не начали водить в большой дом, где он стал кушать со всеми вместе. Это, кажется, произошло, когда ему было года три. Кушал он аккуратно и не особенно шалил за едой, но больших трудов стоило уложить его спать даже летом. Помню, как мы с сестрой в душный летний вечер сидим во флигеле и прислушиваемся к тому, как няня Авдотья в соседней комнате никак не может его укачать. Это была довольно полная и рослая женщина, которая выбивалась из сил, то напевая ему песни, то бормоча какой-то вздор про собаку Орелку и Забияку, прибирая все, что приходило ей в голову. Вот, кажется, Саша затих, сейчас можно будет положить его в кровать и няня пойдет пить чай и болтать на кухню. Не тут-то было: внезапно раздается из другой комнаты: «муу, муу». Это значит, что Саша и не думает спать. Несколько раз повторяется та же история, пока наконец он не заснет по-настоящему. Тогда измученная няня, крадучись, боясь, как бы опять не проснулся ребенок, проберется в спальню и осторожно положит его в кровать, а мама задернет полог с голубым бантом, и мы с ней, отпустив няню, будем смирно сидеть, чуть перешептываясь, пока она не вернется.

Саша долго еще колобродил по ночам. Когда он настолько подрос, что не нужно было его укачивать, он все-таки спал беспокойно. В одном из писем ко мне того времени мать пишет, что Биба «по ночам вертится, встает на корточки вниз головой и выдумывает вздор». Все это не мешало ему, однако, отлично высыпаться и быть очень здоровым и сильным ребенком. Но с раннего детства проявлял он нервность, которая выражалась в том, что он с трудом засыпал, легко возбуждался, вдруг делался раздражителен и капризен. Болезненных признаков пока не обнаруживалось. Нервность эта была очень понятна, так как Саша родился при тяжелых условиях и родители его, особенно мать, были очень нервные люди.

При всем своем здоровье Саша был что называется трудный ребенок. Возни с ним было ужасно много. Но все труды и хлопоты матери, няни и семьи сторицей вознаграждались той радостью, которую он доставлял окружающим: маленький Биба забавлял и смешил нас своими словечками и выдумками и восхищал умилительной детской прелестью.

Второй портрет Саши снят за границей в Триесте, когда ему было почти 4 года. Саша одет все еще девочкой. На нем белая матросская блуза из легкой материи с юбочкой в виде широкой оборки в складках. Все отделано красным кумачом с белыми тесемочками. Платье было куплено в Петербурге тетей Катей в изящном магазине детских вещей Мерсио. Этот фасон был принят на некоторое время, как переходная ступень к полному костюму мальчика. В то время, т. е. после 3 лет, уже никто не принимал Сашу за девочку, тем более, что и манеры, и игры его сразу изобличали мальчика. Но нежность цветов и говора осталась прежняя. За период в 1½ года, протекший между двумя портретами, Саша заметно изменился во всех отношениях: он стал еще живее, подвижнее, голос его окреп, игры стали разнообразнее, мужественнее.

Блоком только в ранние годы его жизни.

¹⁰ Это был тот самый флигель, где впоследствии Саша поселился с молодой женой.

Когда Саше было около трех лет, мы переехали из ректорского дома на частную квартиру на Пантелеймоновской, близко от церкви. Она была в четвертом этаже, светлая и симпатичная, но оказалась сырой, и потому мы жили на ней всего одну зиму. У Саши с матерью была небольшая комната, тут же спала и новая няня. Тесноту этого помещения скрашивала большая зала, где Саша бегал, разумеется, сколько угодно. Очень близко был Летний сад, куда Сашу часто водили гулять.

Няня попала в тот год очень неудачная. Это была еще бодрая, сухонькая старушка, с большими претензиями и огромной долей пошлости, которую, очевидно, тогда уже чувствовал маленький Саша. Она вечно рассказывала про какого-то генерала Голощапова, который дарил ей пирожные, неизменно в один и тот же час говорила: «А вот и пономарь зазвонил», и донимала Сашу стишками вроде следующих:

Здравствуй, миленький портной.
Взял ли ножницы с собой?
Сшей ты мне жилетку
И кармашки по бокам,
Чтобы было куда класть мне орешки.

Саша не выносил ни стишков ее, ни разговоров. Ничего интересного для него и в его духе она рассказать не могла, а впоследствии оказалось, что она была пьяница и водила Сашу в гости к какому-то городовому, что мы узнали только после ее ухода, так как Саша, даже в раннем детстве, никогда на прислугу не жаловался. Разумеется, недостаток ума и талантов няни с лихвою возмещался всеми членами нашей семьи, начиная с Сашиной матери и кончая бабушкой. Еще летом в Шахматове мать сочинила для Саши сказочку про девочку Пеструшку, которая ему очень нравилась. Часто просил он мать рассказать ему «пли Плистлюску», как он тогда выражался (он долго еще картавил), а бабушка выдумала присказку про Глупишку в форме следующего диалога:

«Глупишка, Глупишка, где ты был?
Куда ходил в такую пору?»
Глупишка (басом, по-дурацки):
«На малиновую гору».
«А что ты там делал?»
«Грибы собирал».
«Да, ведь там темно»,
«Ни-ча-во».

Саша готов был без конца слушать про Глупишку и как только бабушка умолкала, со страстью требовал: «Баба, истё!»

Весной старой няне отказали и взяли опять временно уходившую няню Соню, с которой поехали сначала в Шахматове, а потом за границу – в Триест и Флоренцию. Няня Соня была единственная из нянь, которую Саша любил, другие не сумели его привязать. Она была не особенно ласковая, не отличалась ни большой живостью, ни изобретательностью, но, во-первых, хорошо действовала Саше на нервы своим тихим и ровным характером, а во-вторых – никогда не мешала ему, ничем его не раздражала и с большим тактом схватывала дух его игр. Кроме того, она толково читала вслух и у нее были известные литературные наклонности, что очень пригодились, когда Саше было года 4. Он очень к ней привязался, называл ее «няня Сонься» и с нежностью говорил: «Нянечка, у тебя носик, как апельсинчик». Няня

была рябая, а нос довольно большой. А когда хотел узнать, который час, говорил ей, намекая на ее крайнюю близорукость: «Нянечка, понюхай часы».

В лето перед отъездом за границу Саша много играл в лошадки. Он скакал на палочке, взнуздывая ее и изображая непокорного коня, а также привязывал длинные красные вожжи к разным вещам и ехал куда-то на тройке, погоняя лошадей кучерскими словечками и возгласами. Это сделалось надолго его любимой игрой. Во весь длинный путь от Москвы до Триеста он запрягал своими вожжами наши дорожные мешки и покрикивал басом:

– «Но, но, забыла-а! Боишься-а!» – Всю дорогу он был весел, хорошо спал и кушал. Путешествия всякого рода уже с детства его развлекали и всегда ему нравились. В этом отношении он был не в мать. Она, напротив, в вагоне всегда страдала от тошноты, почти не могла ни есть, ни спать и вообще прескверно себя чувствовала. Зато дедушка Бекетов чрезвычайно любил путешествовать.

В Триесте мы прожили осень и зиму. В хорошую погоду Саша гулял большую часть дня. Рано утром он часто ходил с бабушкой на базар, где она покупала кое-какие припасы. Наша еда была очень несложная и простая, так как денег у нас было в обрез. Но купанье стоило гроши, а это было очень важно. Купанье в море пошло наиболее впрок именно Саше, а езда в открытой конке на пляж была для него источником больших радостей. Он скоро свел дружбу с кондуктором и, сидя в конце конки, близко от кучера, громко восклицал при остановках: «Ferma!» (Стой). Это было одно из немногих итальянских слов, которые он знал в то время. В дурную погоду, когда дул несносный сирокко, он сидел дома и играл с няней Соней. Тут главным образом фигурировали чурочки, которые изображали между прочим кондуктора и его маму, приходивших друг к другу в гости. Няня Соня вела длинные диалоги между обоими действующими лицами и иногда путала, кто кого изображает, так как чурочки были совершенно одинаковые. За это ей доставалось от Саши. Он сердито махал ручкой и восклицал с расстроенным видом: «Ах, ты! Этакая! Ведь это же кондуктор, а ты говоришь – кондукторова мама». Няня Соня кротко извинялась и быстро исправляла свою ошибку. Играли и в конку, причем няня Соня изображала пассажиров, а Саша кондуктора и контролера. Новых игрушек в Триесте не покупали, но зато во Флоренции был куплен пушистый белый заяц с морковкой во рту. С ним Саша не расставался и долго еще играл им в России. Перед отъездом из Флоренции он немного беспокоился, что кондуктор отнимет у него в вагоне зайца, и потому говорил нам: «Я скажу, что *questo è mio bambino*» (что это мой ребенок). Во Флоренции Саша гулял еще больше, чем в Триесте, благодаря отсутствию ветров и наступившей вскоре весенней погоде. Задняя, солнечная сторона нашего дома выходила в сад, но по нашим русским понятиям он был слишком утилитарен и скучен. Там росли только фруктовые деревья шпалерами. Ни простору, ни тени, ни лужаек не было. Саша мало проводил там времени. Ему нравился только бассейн с золотыми рыбками. Они с няней Соней много ходили по улицам или отправлялись в прекрасный сад Боболи, где были длинные тенистые аллеи и зеленые заросли с бассейнами и мраморными статуями.

Во Флоренции мать сшила Саше первый костюм с панталончиками из летней синей материи. С этих пор его одевали уже настоящим мальчиком. Тогда же купили ему соломенную шляпу с синей лентой и широкими полями, из-под которых виднелись его золотые, уже заметно вьющиеся волосики. Южане восхищались видом этого нежного северного мальчика, принимали его по большей части за англичанина. Во Флоренции у нас была прекрасно обставленная квартира, отличный стол и хорошая кухарка. Жизнь была гораздо интереснее и разнообразнее, чем в Триесте, но для Саши это было неважно. Ему одинаково хорошо было и в Триесте, и во Флоренции. Он здоровел и развивался, но вся поездка прошла для него, как сон, не оставив никаких следов в его воображении.

В начале мая мы, уже сильно соскучившись по России, уехали из Флоренции прямо в Шахматово. Можно себе представить, как ждали Сашу те, кто оставался в России...

Когда мы вернулись, для Саши и его матери было приготовлено новое помещение. Флигель понадобился для сестры Софьи Андреевны, у которой перед нашим отъездом родился первый ребенок. Саша с матерью поселились в большой комнате с итальянским окном, выходившим в сад, которую только что отстроили на месте старой кухни, примыкавшей к дому, а кухню перенесли на двор в расстоянии нескольких шагов от дома. Рядом со спальней Саши и его матери была небольшая комнатка няни Сони. Она занимала часть сеней, соединявших большой дом с пристройкой. В новой комнате стояла все та же детская кроватка, из которой Саша еще не вырос. Здесь помещалось больше вещей, чем в тесных комнатках флигеля. В углу, например, стоял старинного фасона угольный диван, покрытый красным ситцем, который мы с сестрами еще с детства прозвали пивкой – надо признаться, не очень метко. В Шахматове зажили, по обыкновению, очень хорошо. Маленький Фероль, сын тети Софы¹¹, которому было около года, пока еще мало занимал Сашу. Лето прошло незаметно. В Петербург приехали прямо на новую квартиру, приготовленную и устроенную заранее тетей Катей, на которой лежали все хозяйственные заботы. На этот раз поселились на Ивановской, близ Загородного просп. Здесь у Саши с матерью была громадная комната, да и вся квартира была просторная, особенно зала, уставленная по всей стене, выходившей на улицу, красивыми группами тропических растений, доставшихся нам из университетской оранжереи. Несмотря на большое количество мягкой мебели и концертный рояль, в зале оставалось еще много свободного места так, что у Саши было обширное поле для беганья. В эту зиму и был с него снят портрет в кружевном воротнике и в костюме из зеленого бархата с атласной вставкой. Этот красивый наряд надевали на Сашу, разумеется, только в торжественных случаях, обычно же он ходил в синих матросских костюмчиках с короткими панталонами, в длинных темных чулках и черных туфлях с завязками. Так он одет на другом портрете, снятом с него в тот же сезон во весь рост (фотография Вестли). В то время его шелковистые тонкие волосы стали темнее, он был очень строен и его крепкие ножки не знали усталости. Ходить и бегать он мог без конца. Прав был дедушка, который говорил ему, если он жаловался на усталость: «А ты побегай». Усталость могла быть только нервная, если ему приходилось скучать или стесняться.

В эти годы Саша был очень шумлив и стремителен. Его голос громко раздавался по комнатам, всякому занятию он предавался с самозабвением. Всю эту зиму он проиграл в конку. Саша был до того поглощен этой забавой, что когда переставал играть, т. е. звонить и двигаться, он почти все время водил пальчиком по всем линиям, которые попадались ему на столах, на книгах, на рисунках скатерти и т. д. Раз он дошел до того, что, взобравшись на колени к одному длинноносому гостю, стал водить пальцем по его носу. На Ивановской пришлось прожить всего одну зиму, квартира оказалась дедушке не по средствам. Наняли другую¹², немногим хуже прежней – тоже с большой детской, где спала и няня Соня: у нее был свой уголок за перегородкой. Именно в этой комнате была лошадь-качалка и зеленая лампадка, известные по стихам, посвященным Олениной д'Альгейм¹³, и по стихотворению «Сны» из 3-го тома:

И пора уснуть, да жалко,
Не хочу уснуть!
Конь качается качалка,
На коня б скакнуть!
Луч лампадки, как в тумане... и т. д.

¹¹ Тетя Софа – наша сестра Софья Андреевна.

¹² На Б. Московской, против Свечного пер.

¹³ Стихи, посвященные Олениной д'Альгейм – «Темная, бледно-зеленая...» (I, 304).

В промежутках между игрой и гуляньем няня Соня читала Саше вслух в то время, как он рисовал или что-нибудь мастерил. Об этом я скажу ниже подробно, теперь же буду продолжать об его играх. Под влиянием чтения пушкинской «Полтавы» Саша выдумал новую игру. Изображался Полтавский бой. Это была бурная, воинственная игра, для которой Саша надевал картонные золотые латы с такой же каской, подаренные ему на елку. Он вихрем носился по комнатам. Пробежав через бабушкину спальню, врывается в залу, пролетал ее с громкими воплями, махая оружием, по дороге с кем-то сражался, в кого-то стрелял, целясь, например, в сидящую за работой бабушку, причем говорил: «Сидит мертвая, да и шьет». И неся обратно тем же порядком, придумывая все новые и новые эпизоды сражения. Во время этих битв я сидела обыкновенно за роялем, играя гаммы, за что и получила название шведского музыканта. Таким образом, мы с бабушкой, не принимая никакого участия в Сашиной игре, были вовлечены в нее силою его воображения.

В этом же году, ближе к весне, Саша выдержал опасную болезнь (плеврит с экссудатом). Это время было особенно тяжело еще и потому, что Саша заболел в отсутствие матери, которая лежала в больнице, где ей делали операцию. Саша скучал по матери, а от нее приходилось скрывать его болезнь, чтобы не помешать ее выздоровлению. Перед тем, как заболеть, Саша был очень грустен и, идя прощаться к бабушке перед сном, шел, опустив головку. Когда он стал ложиться спать, няня сказала ему: «Что ты, Сашенька, такой грустный? Не надо так. Вот посмотри, Фероль¹⁴ всегда веселенький». – А он отвечал: «Да, у Фероля мама здоровая, а у меня-то больная». Тут няня Соня стала его ласкать и прекратила свои наставления.

Лечил Сашу доктор Каррик и, по обыкновению, очень успешно. Скажу несколько слов об этом милом человеке, который два раза спас Сашу от жестокой опасности. Он происходил из шотландской семьи, основавшейся в Петербурге. Учился сначала в Peterschule, а потом в Эдинбургском университете. Был очень талантливый и решительный доктор, а также большой любитель детей, – красивый, здоровый человек, огромного роста, с громовым голосом и неистощимым запасом веселья. Он с большим юмором изображал разные сцены и рассказывал анекдоты, великолепно представлял, как хлопает пробка, или делал вид, что отчаянно стукнулся лбом об дверь, подражая только движению и звуку удара, и т. д. Он очень любил Сашу и, забавляя его самыми простыми средствами, заставлял смеяться и радоваться. Саша называл его «крошка доктор» и всегда рад был его приходу. Помню, как один раз, просидев у нас час или два в дружеских разговорах, Каррик собрался уходить перед самым обедом. Саша уговаривал его остаться. «А у нас будет пудинг», – сказал он, надеясь удержать доктора. Услышав это, Каррик заревел во все горло и, утирая глаза кулаками, пошел в переднюю, что, конечно, привело Сашу в немалый восторг. Во время болезни доктор был необыкновенно внимателен и ласков с ребенком и выходил его великолепно. Мать вернулась из больницы, когда Саша еще лежал в постели и был довольно слаб, но уже поправлялся.

Теперь как раз будет кстати сказать о первом Сашином чтении, но для этого мне придется вернуться немного назад. По более точным справкам оказывается, что Саша выучился читать не в 4 года, как сказано в моей биографии, а годам к пяти. Этому научила его в первый год по возвращении из-за границы наша бабушка, А. Н. Карелина, которая жила с нами и на Ивановской. В те часы, когда Саша оставался один в ее комнате, она по секрету от его матери, с которой была в великой дружбе, стала показывать ему буквы по рассыпной азбуке. Он очень скоро одолел грамоту, и прабабушка с торжеством показала его искусство Сашиной маме. Писать же он выучился сам совершенно незаметно, писал сначала печатными буквами, а потом и писаными.

¹⁴ Двоюродный брат Саши.

Саше было лет пять или около того, когда ему начали читать вслух. По большей части это делала няня Соня. Сам он читал тогда мало. Вначале ему нравилось больше всего смешное и забавное. Быстро выучил он наизусть «Степку Растрепку», «Говорящих животных», «Зверки в поле и птички на воле» и разные присказки, загадки и стишки из книжек так называемой Ступинской библиотеки¹⁵. Известная книга Буша «Макс и Мориц» не была в ходу у нас в доме. Лет в 6 появился у Саши вкус к героическому, к фантастике, а также к лирике. Ему читали много сказок – и русских, и иностранных. Больше всего ему нравился «Царь Салтан». Тогда же полюбил он «Замок Смальгольм», узнал он и «Сида» в переводе того же Жуковского. Наслушавшись этого чтения, он дал няне Соне прозвище в духе испанского романсеро: «Дон Няня благородный по прозванию Слепая».

Саша охотно, без всякого принуждения говорил наизусть отрывки из разных забавных стихов о зверках и птичках вроде истории про дерзкого воробья со следующим четверостишием:

Он ворону пожилую
Нагло смел спросить,
Как на лапищу такую
Сапоги ей сшить.

Или декламировал целиком:

Пуделька послала мама
Крендельков купить.
Близко булочная, скоро
Можно бы сходить.
Но охотник он был страшный
По верхам зевать...
и т. д.

Кажется, у пуделька украла его крендельки другая собака. Все это было смешно не по замыслу автора, который всегда имел нравоучительные тенденции, а по комической серьезности, с которой трактовались эти сюжеты. Много удовольствия доставляли Саше и талантливые рисунки с утками и ласточками в юбках и капорах и собаками в пиджаках и цилиндрах. Одной из любимых историй были преглупые стихи о болтливом утенке, которому мать обещала повесить на нос замок, если он не перестанет болтать. Утенок оказался непослушным и разболтался с лягушонком:

Долго крик их продолжался
И далеко раздавался;
Бестолковое «вак, вак!»
И затем немедля «квак!»

Все кончается следующим нравоучительным четверостишием:

Чем же кончилось болтанье?
Посмотрите, что за вид:
Мать сдержала обещанье,

¹⁵ Ступинская библиотека – серия детских книг, выпускавшаяся издательством А. Д. Ступина (Москва).

И на рту замок висит.

А внизу нарисован желтый утенок в красной шапочке с замком на клюве и крупной слезой, повисшей под глазом.

Более серьезные вещи Саша не любил говорить при всех. «Замок Смальгольм» он еще декламировал няне и маме, но лирических стихов никогда. После его болезни, стало быть, лет около шести, произошел следующий характерный случай. Как-то вечером, лежа в постели, Саша выпроводил из комнаты всех, кто там был, и мы услышали из соседней комнаты, как он слабым голоском, еще слегка картавя, стал говорить наизусть стихи Полонского «Качка в бурю»:

Гром и шум. Корабль качает,
Море темное кипит;
Ветер парус обрывает
И в снастях свистит.

Разумеется, он не понимал тогда очень многого в этих стихах, но что-то ему в них нравилось. Он, очевидно, чуял их лиризм, который уже тогда был ему близок.

Когда Саше минуло семь лет, мать нашла, что он уже настолько велик, что пора отпустить няню. Няня Соня поступила, по рекомендации Сашиной матери, на новое место, но приблизительно через год после того, как ушла от нас, вышла замуж, причем сестра А. Андр. была у нее на свадьбе посаженной матерью, а Саша нес образ. Няня Соня имела такое значение для маленького Саши, что я считаю нужным сказать об ней еще несколько слов. Она была настоящим другом и помощницей его матери. Более подходящей няни ему нельзя было подыскать. Происходя из очень честной и порядочной мещанской семьи, она сама отличалась безукоризненной честностью и добросовестностью. Ее наружность, не будучи красивой (ее портили рябины), не лишена была приятности и очень женственна. Она была высокого роста, очень опрятна, всегда аккуратно одета и гладко причесана так, что в общем производила благообразное впечатление. Ее кротость и ясность прекрасно действовали на Сашу. Отсутствие крикливости, грубости и болтливости очень ее украшало и было особенно кстати для такого нервного и впечатлительного ребенка. Кроме того, она была умна и интеллигентна и всегда умела занять Сашу и говорить с ним именно так, как ему было нужно. Уйдя от него, даже и после замужества, няня Соня интересовалась всем, что его касалось. Она читала и понимала многие его стихи, гордилась им и высоко его почитала, хотя и звала по старой памяти «Сашура» с обращением на ты. Саша тоже любил ее. В детстве, еще гимназистом, он очень веселился и радовался, когда она приходила в гости, иногда с ночевкой. Они вместе сочиняли потешные стихи и много хохотали. В более зрелом возрасте Саша всегда был с ней добр и приветлив и не раз помогал ей деньгами в трудные минуты. Несколько лет тому назад она совершенно ослепла. Муж ее, с которым они очень согласно жили, умер, детей у нее не было. Сестра Ал. Андр. поместила ее в богадельню. В настоящее время она в богадельне около Смольного. Жизнь ее, разумеется, самая печальная, тем более, что ее редко навещают по дальности расстояния.

Портрет семилетнего Саши в матросском костюме, с гладко причесанными короткими волосами относится к последнему году пребывания в нашем доме няни Сони. Об этом портрете, снятом в фотографии Пазетти на Невском, я скажу только одно: он похож, но снят в неблагоприятную минуту, так как, чтобы ехать сниматься, Сашу пришлось оторвать от какой-то очень интересной игры, о чем он долго не мог забыть: оттого у него такое недовольное выражение. Он уже далеко не так красив, как на предыдущем портрете, что объясняется между прочим тем, что острижены его прекрасные кудри. Короткая стрижка к нему не шла.

С семи лет, еще при няне Соне, Саша начал увлекаться писанием. Он сочинял коротенькие рассказы, стихи, ребусы и т. д. Из этого материала он составлял то альбомы, то журналы, ограничиваясь одним номером, а иногда только его началом. Сохранилось несколько маленьких книжечек такого рода. Есть «Мамулин альбом», помеченный рукою матери 23 декабря 1888 года (написано в 8 лет). В нем только одно четверостишие, явно навеянное и Пушкиным, и Кольцовым, и ребус, придуманный на тот же текст. На последней странице тщательно выведено: «Я очень люблю мамулю». Весь альбом, формата не больше игровой карты, написан печатными буквами. «Кошачий журнал» с кораблем на обложке и кошкой в тексте написан уже писаными буквами по двум линейкам. Здесь помещен только один рассказ «Рыцарь», неконченный. Написан он в сказочном стиле. Упомяну еще об одной книжке, составленной для матери и написанной печатными буквами. На обложке сверху надпись: «Цена 30 коп. Для моей крошечки». Ниже: «Для моей маленькой кроши». Еще ниже – корабль и оглавление. В тексте рассказик «Шалун», картина «Изгородь» и стишки «Объедала»:

Жил был Маленький коток,
Съел порядочный
Пирог.
Заболел тут животок —
Встать с постели
Кот не мог¹⁶.

К сожалению, дат нигде нет. Все эти ранние попытки писать обнаруживают только великую нежность Саши к матери, а также его пристрастие к кораблям и кошкам. Но интересно то, что Саша уже тогда любил сочинять и писал в разном роде, подражая различным образцам.

Закljučая первый период Сашиной жизни, скажу еще несколько слов об его характере. Саша был вообще своеобразный ребенок. Одной из его главных особенностей, обнаружившихся уже к семи годам, была какая-то особая замкнутость. Он никогда не говорил про себя в третьем лице, как делают многие дети, вообще не любил рассказывать и разговоров не вел иначе как в играх, да и то выбирал всегда роли, не требующие многословия. Когда мать отпустила няню Соню, она наняла ему приходящую француженку, которая с ним и гуляла. Это была очень живая и милая женщина. Она расположилась к Саше и очень старалась заставить его разговаривать, но это оказалось невозможным: Саша соглашался только играть с ней, а с разговором дело не шло. Мать решила, что не стоит даром тратить деньги, и отпустила француженку.

При всей своей замкнутости маленький Саша отличался необыкновенным прямотоном: он никогда не лгал и был совершенно лишен хитрости и лукавства. Все эти качества были в нем врожденные, на него и не приходилось влиять в этом смысле. Кроме того, он был гордый ребенок. Его очень трудно было заставить просить прощения; выпрашивать что-нибудь, подольщаться, как делают многие дети, он не любил. К тем наказаниям, которым иногда подвергала его мать, он относился очень своеобразно. Когда ему было четыре года и мы жили во Флоренции, он как-то очень шалил за обедом. Мать много раз его останавливала, он все не слушался. Наконец, она сказала: «Я не дам тебе сладкого, если ты не перестанешь шалить». Тогда он совершенно спокойно встал из-за стола и сказал: «Хорошо, я пойду в сад рыбок смотреть». В саду был бассейн с золотыми рыбками, и Саша действительно отпра-

¹⁶ Более подробно об этих журналах см.: З. Г. Минц. Рукописные журналы Блока-ребенка. – *Блоковский сборник*, вып. II, с. 292–308.

вился туда как ни в чем не бывало, не попросив прощения и не думая кланяться, чтобы ему дали сладкого блюда, которое он очень любил. Позднее, когда ему было лет пять или шесть, произошел такой случай: Саша очень рассердил свою мать какой-то шалостью или капризами. Она заперла его в нянину комнату, потому что он не хотел ни повиноваться, ни образумиться. Долго он сидел там совсем тихо: не плакал, не кричал и ничего не говорил, наконец мать и няня стали беспокоиться, не случилось ли с ним чего. Как вдруг он заговорил с ними совершенно спокойным голосом: «Что же вы меня не выпускаете? Ведь я уж все нянины платья оборвал, смотрите». Мать и няня бросились отпирать двери и увидели, что на полу валяются все нянины платья, сорванные с гвоздей. Тогда мать сказала: «Что же мне с тобой делать, Сашура? В ванную, что ли, тебя запереть?» – «А я там воду пушу», – отвечал он. Мать вывела его из няниной комнаты, и тут только он попросил прощения, причем, конечно, его обласкали. Очень трудно было справиться с его капризами, приучить его к чему-нибудь и заставить его что-нибудь делать, если он этого не хотел. Лучше всего помогала какая-нибудь выдумка или шутка. Саше было года четыре, когда мать придумала следующий фокус. Когда он начинал капризничать или упрямиться, она говорила: «Ах, это Вавилка пришел, гадкий Вавилка, который всегда капризничает и не слушается. Уходи, уходи, Вавилка, позови мне моего милого Сашеньку, который такой хороший и умный, никогда не капризничает; ну, иди же, иди, позови». И Саша с надутым, сердитым личиком уходил в другую комнату, где оставался некоторое время один, а потом говорил так, что все мы слышали: «Сяська! Иди сюда, тебя мама зовет!» – и возвращался к матери уже в другом настроении, целовал ее, переставал капризничать и весело принимался за игру. И все-таки нужно сказать, что Сашу можно было только отвлечь и, так сказать, обмануть удачной шуткой, новым впечатлением и т. д. Но изменить его наклонности, повлиять на него, воспротивиться его желанию или нежеланию было почти невозможно. Он не поддавался никакой ломке: слишком сильна была его индивидуальность, слишком глубоки его пристрастия и антипатии. Если ему что-нибудь претило, это было непреодолимо, если его к чему-нибудь влекло, это было неудержимо. Таким остался он до конца, а когда сама жизнь начала ломать его, он не выдержал этой ломки. Делать то, что ему несвойственно, было для него не только трудно или неприятно, но прямо губительно. Это свойство унаследовал он от матери. Она тоже не могла безнаказанно делать то, что ей не было свойственно.

Глава II

Детские и отроческие годы

Портрет Саши в черной гимназической блузе снят с него в сезон 1891-92 года, когда ему минуло 11 лет. В гимназию он поступил в 1890 году, еще до 10 лет. По-моему, выражение лица его не соответствует одиннадцатилетнему возрасту, он кажется моложе своих лет, да так оно и было. За 4 года Саша извел, конечно, немало бумаги, сочиняя стихи и прозу, но образчиков этих писаний сохранилось немного. Привожу одно стихотворение, относящееся к этому периоду, о чем можно судить и по почерку, и по содержанию, и по правописанию. Дата не обозначена. Думаю, что оно сочинено около 9 лет, написано карандашом, частью печатными, частью писаными буквами. Сохраняю и орфографию:

Конец в#сны

весна! В#сна! поют стр#козы,
Весна! в#сна, поют птенцы:
Ужъ в чистом пол#; там жнецы.
Кузнечики в траве стр#кочат,
Как будто хотят:
Пл#нить лягушечек в пруду!
В свою пот#ху
Да н#совс#м-та къ сп#ху!..

К этим же годам (до 10 лет), несомненно, относится написанный по двум линейкам «Ежемесячный журнал **«Корабль»**» в числе двух номеров. В тексте рассказы с названиями «Война», «О детях», «Ванинь котъ» и т. д., кроме того, шарады, шутки и ребусы. Привожу один из рассказов первого номера «Корабля».

Война

Ночь была темная и война была большая. Много ружей сабель штыковъ рапиръ сикирь пистолетов револьверовъ и барабановъ просовывалось через тьму. На конце поля битвы стояла избушка. Старые стены едва держались. Потолок чуть не проваливался, ржавые окна, то-есть крючки на окнах тоже едва держались. Но вдруг огромная бомба разорвала избушку.
Конец.

Другие рассказы не длиннее этого. Сашин почерк быстро менялся к лучшему сообразно годам, но развитие в смысле житейской зрелости и расширения интересов шло чрезвычайно туго. Шашины письма к дедушке из Шахматова в 9 и 10 лет и к матери в 11½ необыкновенно ребячливы. Девяти лет Саша гостил летом вместе с матерью и отчимом в имении нашего дяди Алексея Никол. Бекетова в Саратовской губ. Саша писал к дедушке по одной линейке пером правильно и даже очень хорошим почерком, только без запятых. Так мог бы писать мальчик 10–11 лет, но по содержанию письма напоминают ребенка 8 и даже 7 лет. Привожу выписки: «Милый мой дидя, я очень тебя люблю мн#туть очень нравятся собаки они постоянно ходятъ в садъ потому что тамъ привязали другую собаку которую зовут Церберъ. Одна собака мн#зд#сь особенно нравится ее зовут Барбось. Я бы очень хот#лъ у#хать

в Шахматово. Зд#сь есть очень хорошие цв#ты. Я научился играть въ крокетъ. Это мн#очень нравится. Мн#зд#сь очень нравится ц#лую тебя. Твой Сашура».

Есть и продолжение в двух отрывках, где говорится о том, как они с «Булей» (кузен Недзвецкий) строили дома и как Саша заболел после купанья. На обратной стороне письма написано: «Собаку зовутъ Трезор». Вероятно, это относится к Барбосу, может быть, и к Церберу. Письмо к бабушке, написанное год спустя (в 10 лет), тоже из Шахматова, уже заметно взрослее, оно написано не так красиво, но уже без линеек. В нем говорится про двоюродных братьев тоном старшего. «Погода портится. Сегодня было холодно. Небо заволокло тучами. Феролька ходить нахмурившись не хочет ни во что играть, когда его спросишь что-нибудь онъ махаетъ ручкой или сердится. Вчера даже случилось с ним **следующіе** печальное происшествіе...» Тут подробно описывается ссора между братьями и случай, который кончился слезами Фероля. Писем к матери из Шахматова в возрасте 11½ лет несколько. Ал. Андр. в это время ухаживала в Петербурге за больным мужем. Все Сашины письма этого времени необыкновенно нежные и ласковые. Везде говорится, что он очень соскучился по маме и по «Францике», как он называет своего отчима, но что в Шахматове ему очень весело и хорошо. Исполняя настоятельную просьбу матери, он подробно и добросовестно пишет о своем здоровье и уговаривает ее не беспокоиться (у него немного болело ухо). Привожу отрывки из одного письма: «Сегодня утромъ мн# как-то зам#чательно весело, несмотря на дурную погоду. Пожалуйста, моя капелька, не беспокойся о моемъ ух#. Ничего дурного н#т и быть не можетъ. Ты послала просто ужасъ какое отчаянное письмо. Писемъ твоих у меня в карман#накопилось ц#лых три. Особенно понравились мн#точные св#динія о Кис#. Она воображается мн#такой прелестной, мягкой, пушистой. Твое второе письмо о том, что мн###сть было просто пророческое: все, что тамъ написано – даютъ мне... Мы съ братьями делаемъ нашъ домъ... Я соскучился о III класс#, о теб#, о Францик#, и еще о многихъ вещахъ оставшихся въ Петербург#; в числ#их о Синдетикон#и о простомъ кле#. Прощай моя милая крошка, Господь с тобой.

Поц#луй Францика, я о нем ужасъ, как соскучился. Мама, дорогая, при#зжай, какъ только можешь скорее#. **Твой Сашура**».

Описанный мною выше портрет в гимназической куртке снят во время сезона, предшествовавшего тому лету, когда Саша писал эти письма.

За эти годы Саша сблизился с двоюродными братьями Феролем и Андрюшей; летом он проводил с ними много времени, так как они жили обыкновенно в Шахматове, а зимой виделся редко, только по праздникам. Тогда же появился и сын нашей кузины Виктор Недзвецкий, так называемый «Буля», который был одних лет с Феролем, а также двоюродный брат и сестра Фероля, Коля и Ася Лозинские (дети их тетки), оба значительно моложе Саши. Сближение с этими детьми произошло, когда Саша был уже в гимназии. Его особенно любили Андрюша Кублицкий и Коля Лозинский, Коля (давно уже умерший) был мальчик восторженный и изъяснительный. Дети Лозинские в то время говорили по-французски лучше, чем по-русски, и Коля в порыве восторга кричал при появлении Саши: «Alexandre trois, notre roi!»¹⁷ Игры были чисто детские, не только потому, что Саша снисходил к маленьким, как старший, но и по его ребячливости, которая заставляла его от души увлекаться детскими интересами и забавами. В одиннадцать с половиной лет (1892 г.) он играл с братьями в поезда и бегал взапуски вокруг цветников. Игра в поезда была одно время очень в моде. На дорожках сада расставлялись какие-то шесты со значками, между которыми протягивались веревки, и мальчики мерно двигались по дорожкам, изображая сходящиеся и расходящиеся поезда, причем Саша подражал свисткам и пыхтению паровоза. Эта игра довольно-таки затрудняла прогулку по саду, но никому из взрослых и в голову не приходило помешать

¹⁷ «Александр третий, наш король!» (фр.)

детям, наоборот: все сворачивали в сторону, обходя играющих. Особенно увлекался этой игрой Саша, который питал всегда большое пристрастие к локомотивам, вагонам, семафорам, словом, ко всему, что относится к железной дороге и обстановке поездов.

Несколько позже, когда Саше было уже 13–14 лет, матери стали возить детей в балет. Это дало повод для новых игр. Стали изображать балеты, причем танцы, грация и вся классическая, изящная сторона их не играла никакой роли. Особенно облюбовали почему-то балет «Синяя борода» и представляли главным образом сцену, когда сестра Анна смотрит на дорогу с башни. Надевали на себя что попало: пледы, платки, какие-то непонятные предметы, что придавало всему очень нелепый и донельзя комический характер. Такие представления устраивались несколько раз по воскресеньям и праздникам, когда у бабушки собирались все внуки, а иногда и дети Лозинские. Игра начиналась после 7 часов, когда дедушка уходил к себе отдохнуть. Помню, как в столовой одной из наших квартир на Васильевском Острове Саша, наряженный в какой-то невероятный костюм для роли сестры Анны, взгромоздился на высокий мраморный камин и прodelывал пантомиму, на которую невозможно было смотреть без смеха. Вообще надо сказать, что, играя, он часто проявлял чисто клоунский юмор, а в воинственных играх брал темпераментом. Особой изобретательности он не обнаруживал и за ней не гонялся, но всех увлекал или непосредственным комизмом, или азартом так, что товарищи его или безумно хохотали, или приходили в неистовство. Сохранилось довольно много Сашиных писем к бабушке, которой он писал зимой, описывая разные случаи своей жизни, а также елки и другие развлечения, так как бабушка, вследствие мучительной, неизлечимой болезни последние десять лет своей жизни выходила на воздух только в Шахматове, в городе же всегда сидела дома. В письме от 28 декабря 1893 года (в 13 лет) описывается елка, которая была в доме Сашиной матери. После перечисления всего того, что ему подарили, с подробным описанием великолепного игрушечного револьвера, подаренного мамой, говорится между прочим: «Вчера на елке было ужасно весело. Мы все бегали, шумели, кричали и бесновались. Мы изображали разбойников, прятались за стулья, но что удивительно, так это то, что нам хватало места на все эти упражнения».

Меня же при воспоминании об этой игре и безумном азарте детей более удивляет то, что они не повалили елку. При описании подарков между прочим сообщается в том же письме: «Еще мама подарила мне две бутылки клею: (Синдетикона и Лапидусзона), а ты мне подарила страшно интересную книгу, которую я уже начал и очень тебе благодарен».

Эта книга «С севера на юг» Каразина, что касается клея, то Саша всегда чувствовал к нему большую слабость, употребляя его для различных потреб. Между прочим, одним из любимых его занятий еще в 13 лет было склеивание домов, нарисованных на больших листах картона. В письме от 24 ноября 1893 года, описывая бабушке день своего рождения (16 ноября, в 13 лет), он пишет: «Мама подарила мне 6 листов бумаги, на которых были нарисованы самые разнообразные животные и клейка «Ноева ковчега». Затем там были: сам Ной, его жена и сыновья со своими женами».

Дарили ему всегда много, причем он очень радовался подаркам и наслаждался ими вдовсю. Дня своего рождения и елок он дожидался с великим интересом, но если по редкости случая чей-нибудь подарок оказывался неудачным и обманывал его ожидания, он был неутешен. При одном из таких случаев, когда ему было не меньше 10 лет, он горько плакал у себя дома, вернувшись с какой-то елки. При этом он по обыкновению не хотел сказать, в чем его горе, но долго не мог успокоиться. Отчасти это можно объяснить не только обманутыми надеждами, но и тем, что нервы его были слишком напряжены и возбуждены так, что достаточно было малейшего повода, чтобы произошла реакция. Плакал он вообще очень редко. Говоря о подарках, следует прибавить, что сам он тоже очень любил их делать.

Письма 1893 года все в одном роде: в них много нежности к матери, к отчиму и ко всему домашнему, а также к бабушке, к дедушке и ко мне. Письма пишутся часто, несмотря

на уроки и на журнал «Вестник», который начал издаваться с этого года. Интересы все чисто детские и домашние, если не считать книг и «Вестника», о гимназии почти не упоминается, о товарищах ни полслова. О книгах кратко сообщается, что такая-то «страшно понравилась» или «страшно интересная». Читал он тогда романы Купера, Майн-Рида, Жюль Верна и детские книги Марка Твена – «Принц и Нищий» и др., а также журнал «Родник». В 1894 году Саша в первый раз попал в драматический театр (приходится исправлять и эту дату из моей биографии). Сохранилось письмо Саши к бабушке с описанием впечатления от первого спектакля, виденного им в Александрийском театре. Письмо от 16 января 1894 г., значит, ему уже минуло 13 лет. Вот выписки из него: «Сегодня мы были с мамой вдвоем в Александрийском театре и видели «Плоды просвещения». Это мне ужасно понравилось и я хочу очень опять попасть туда... Мы сидели в партере, в пятом ряду. Театр был до того пуст, что во всех рядах перед нами сидело человек восемь, так что мы видели все прекрасно. Я был сегодня только во второй раз в театре и нахожу, что балет «Спящая красавица» скука и гадость в сравнении с этим. Из артистов, особенно хороших не было, кроме Левкеевой¹⁸, Далматова, Панчина и еще некоторых. Мне особенно понравился спиритический сеанс».

В 1894 году Саша начал издавать рукописный журнал «Вестник», но мысль о нем, очевидно, зародилась еще летом 1893 года, когда была составлена детская книжка «Колос», и по внешности, и по содержанию похожая на «Вестник». Этот «Сборник сочинений А. Блока и Ф. Кублицкого-Пиоттух»¹⁹ вышел в августе. Написан он почти целиком рукой Сашиной матери. На обратной стороне заглавной страницы следующая надпись: «Цензор, редактор и издатель А. Кублицкая-Пиоттух. Дозволено цензурой. Шахматово 1893 г.» Саше было тогда около 13 лет. В книге его сказочка «Сон», его же перевод с французского неизвестного автора «Это ты!» и два лирических стихотворения. И сказочка, и французский рассказ годятся для детей лет семи. То и другое написано и выбрано очевидно сознательно, с целью приспособиться к детскому возрасту, что и удалось Саше. В сказке непослушная девочка, которую насилу уложили спать, мечтает в постели: «Ах, если бы я могла делать, что хочу!». Во сне она попадает в царство эльфов, «в прекрасный сад, где на деревьях висели конфеты и пели райские птички». Она играла с эльфами, но вечером соскучилась по маме и стала кричать: «К маме я хочу скорее, где она?» И... проснулась. Солнце ярко светит в комнате, а над нею стоит мама и говорит: «Полно тебе спать, пора вставать». С тех пор девочка боялась попасть в прекрасный сад и сделалась послушной.

Перевод с французского сделан хорошо, а самый рассказ, при большой краткости, имеет свой интерес, хотя основан не на происшествии, а на психологии. Сказочка написана очевидно под влиянием французских нравоучительных, но милых вещиц из журнала «Journal pour tous» («Журнал для всех»), который покупался для Саши, оттуда же взят и рассказ. Замечу в скобках, что присутствие в доме сестры Софьи Андр. гувернанток-француженок таки заставило Сашу говорить по-французски и читать французские книжки. Он говорил с ошибками и неизящно, но мог вполне удовлетворительно объясняться и выражать свои мысли. Но буду продолжать прерванный рассказ. Стихи, попавшие в «Колос», очевидно, написаны уже не специально для детей, а просто такие, какие нашлись тогда у Саши. Оба стихотворения коротенькие. Приведу второе, как более удачное:

Водопад

С горы низвергаясь,

¹⁸ Елизавета Ивановна *Левкеева* (1851–1904) – актриса Александрийского театра.

¹⁹ Феликс Кублицкий-Пиоттух, т. е. Сашин кузен Фероль.

Шумит водопад.
Блестящие брызги
Над пеной летят.
И с шумом каскады,
Срываясь с берегов,
Уносят громады
Столетних дубов.

Говоря о «Вестнике», я не буду перечислять и оценивать всего того, что принадлежит перу Саши, а буду указывать главным образом на характерные черты журнала.

«Вестник» издавался три года: начался он, когда Саше было 13 лет, прекратился, когда ему минуло 16. Это немалый период для такого юного возраста. Внимательное рассмотрение материала «Вестника» дает очень интересные результаты, указывая на рост развития Саши за эти три года. Тут особенно ясно обнаруживается, как медленно шло его развитие в смысле житейского опыта и зрелости и насколько быстрее развивались его литературные вкусы и способности. В 16 лет Саша остался почти таким же ребенком, как и в 13. Его интересы – кроме литературных – остались те же. Он ни над чем еще не задумывался и никакие вопросы его не смущали. Правда, в декабрьском номере первого года издания «Вестника» редактор, обращаясь к подписчикам и сотрудникам, говорит между прочим так: «Направление моего журнала совершенно определилось. Оно было в 1894 году чисто беллетристического характера, но теперь я бы очень попросил г. г. сотрудников, чтобы кто-нибудь из них помещал в мой журнал в 1895 году статьи из более или менее выдающихся случаев общественной жизни». Тем не менее журнал не изменил своего направления. За все время своего существования он отметил только два общественных явления. В первом году, в ноябре месяце, появилось «Экстренное прибавление к 1894 году журнала «Вестник» по поводу кончины Александра III». На обложке был его портрет, а в тексте приложения небольшая статейка о кончине «в бозе почившего государя императора Александра Александровича», составленная по «Новому Времени» редактором Ал. Блоком и репортером журнала Ф. Кублицким. Тут же был и высочайший манифест Николая II. В виде иллюстрированного приложения к номеру подписчики получили портреты «ныне благополучно царствующего государя императора Николая Александровича и высоконазначенной невесты его, ее великогерцогского высочества принцессы Алисы Гессен-Нассауской, во святом миропомазании Александры Федоровны», и портрет «наследника цесаревича и великого князя Георгия Александровича».

И стиль, и смысл статьи, и объявления объясняются, конечно, не столько верноподданныческими чувствами редактора, сколько желанием подражать «Новому Времени». Другое общественное явление, обратившее на себя внимание редактора «Вестника», было юбилей деда Андр. Никол. Бекетова по случаю его семидесятилетия. Это уже просто дело семейное. В тексте и на отдельном листе помещены были печатные заметки из «Нового Времени» и «Петербургской газеты» и «Портрет профессора А. Н. Бекетова». В этом же номере, в разделе «Новости», помещена краткая заметка о том, что по случаю коронации в гимназиях не будет экзаменов и ученики переводятся в следующий класс по удовлетворительным отметкам. Вот и все «общественные вопросы», затронутые «Вестником». Характерно и то, что сотрудники не отозвались на призыв редактора помещать статьи о более или менее выдающихся случаях общественной жизни. Главными сотрудниками «Вестника» состояли бабушка и мать Саши. Обе они были лишены так называемой «общественной жилки», но отличались сильной склонностью к литературе. Дедушке было, конечно, не до сотрудничества в «Вестнике», а кроме того он относился к внуку как к ребенку и никогда не затрагивал с ним никаких серьезных тем – ни общественных, ни житейских. Сам он со страстью относился к общественным вопросам, читал газеты, интересовался и внутренней, и иностранной политикой.

Саша в те годы совсем не читал газет, он изучал только объявления – с юмористической точки зрения, что и заметно по «Вестнику». Объявления начали появляться со второго года его издания, причем Саша все больше и больше ими увлекался. Объявления «Вестника» имеют по большей части или рекламный, или обиходный характер. Больше всего появлялось реклам об надоевшем в то время «Геркулесе» и – о собаках. Саша изощрялся в придумывании разнообразнейших реклам в форме советов, диалогов, восклицаний и даже рисунков. Некоторые из его реклам очень остроумны и всегда придуманы в духе требуемого жанра. Попадались и такие объявления: «Ключ от портфеля господина заведующего беллетристическим отделом упал в Балтийское море. Кто найдет, тот получит приличное вознаграждение. Искать следует в порте города Гапсаля». Или в таком роде: «Молодая особа, свободно говорящая на лягушечьем диалекте, ищет места недалеко от своей квартиры. Адрес: Грязные пруды (недалеко от с. Шахматова, Московск. губ., Клинского уезда)». Было и такое объявление: «Кто не желает сморкаться в дырявые платки, пусть... купит... новые...» Что касается собачьих объявлений, то в этом случае Саша выказал большую изобретательность и не меньшую ребячливость. Наиболее показательны в этом отношении объявления об его любимице рыжей сеттерихе Дианке, с которой он снят на нескольких фотографиях. В июльском номере 1895 года появилось на обложке объявление: «Чудо из чудес – луна на земле в образе рыжей собаки. Адрес: Н<иколаевская> ж<елезная> д<орога>. Подсолнечная, с. Шахматово».

В сентябрьском номере того же года на обложке красовалось следующее сообщение: «По новым исследованиям, луна... имела... десять... спутников! Впоследствии осталось только три из них. Из последнего можно заключить, что: 1) или луна имеет очень малое притяжение (?), 2) или другие более сильные планеты оттянули спутников луны к себе (?) Предоставлю читателям решение этого вопроса. Известный астроном-любитель А. Блок».

И, наконец, в сентябрьском номере «Вестника» 1896 года (редактору почти 16 лет) на обложке помещено объявление жирным шрифтом с украшениями, среди бесчисленных восклицательных знаков: «Диана ошенилась 18 августа».

Многочисленных объявлений о других собаках я не стану уже здесь приводить. Думаю, что приведенные выше в достаточной мере характеризуют тогдашний облик редактора «Вестника». Остальные объявления менее характерны, отдел загадок, ребусов, шарад и обиходной рецептуры не представляет особого интереса, а потому я перейду к оценке литературного развития Саши, насколько можно судить о нем по «Вестнику». Замечу, во-первых, что проза, в особенности самого реального содержания, удавалась Саше хуже стихов. Он делал заметные успехи в прозаических переводах. Вначале и выбор вещей, и форма их указывают на незрелость вкуса и неопытность переводчика. Большинство переводных вещей неплохо, но все, переведенные в 14 и даже в 15 лет, подходят к возрасту не выше 12 и даже 10 лет. Такова драма в 2-х действиях с прологом «Король пингвинов», появившаяся в первый год издания «Вестника», а также другие многочисленные рассказы, сказки и пр. Все это годится для детей или младшего, или среднего возраста. Самые переводы по мере опытности автора становятся все смелее, свободнее и правильнее. В мае месяце 1895 года появляется в числе переводов первая серьезная и литературная вещь, а именно «Орфей и Эвридика» Овидия, переведенная с подлинника и для такого возраста очень недурно. В следующем номере того же года есть «Сказание о Кожемяке», переведенное со славянского. В феврале 1896 года помещен отрывок из романа Бальзака «Эжени Грандэ», «Смерть скупца». В июле 1896 года появились стихи В. Гюго «Бабушка». Перевод правильный, вполне удовлетворительный. В последнем номере «Вестника» (январь 1897 г.) помещен Сашин перевод первой песни «Энеиды» (с подлинника), с заголовком «из Марона» и эпиграфом из Пушкина «Люблю с моим

Мароном...»²⁰ и т. д. Перевод сделан значительно лучше «Орфея и Эвридики». Привожу для сравнения отрывки из обоих переводов.

Из «Орфея и Эвридики»

Уходит

Бог Гименей через эфир необъятный; певец Родопейский
Тщетно зовет его; правда, пришел он, но ни пожеланий
Он не принес, ни лица выраженье веселого, ни предсказанья
Вечного счастья; и факел, который держал он, ужасный
Дым испускал и не мог от движения вспыхивать даже.

Из «Энеиды»

Древнюю силу троянцев пою, воспеваю героя:
Долго скитался Эней по глубоким волнам океана,
Мучимый голодом, брошен на берег пустынного моря,
Берег Лавиния, славного града Италии древней...

Перехожу от переводов к оригинальным сочинениям Саши. Сначала о прозе. Его роман «По Америке или в погоне за чудовищем», помещенный в 1894 году «Вестника», есть неуклюжее подражание Жюльо Верну с примесью Майн-Рида. Никакого романа нет, нагромождение ужасов, событий и смертей вперемешку с плохими описаниями тропической природы – таково содержание романа; форма тоже очень слаба. Помещенный в 1895 году уголовный рассказ «Мсть за мсть» написан уже значительно лучше: умереннее и естественнее, но все-таки явно указывает на то, как несвойствен автору этот жанр, целиком заимствованный из книг. Помещенный в январском приложении 1894 года отрывок «Из летних воспоминаний» гораздо выше. Это объясняется тем, что он написан по личным впечатлениям и лишен всякого содержания, кроме лирического. Привожу отрывки: «Вечер. Темнеет. Мы только что пообедали. Жаркий июльский день. Стол, стоящий на балконе, еще покрыт скатертью. Широкая, развесистая липа тихо шумит, покачиваясь от легкого ветерка. Все выходят на дорогу. Вот первая звездочка мелькнула на небе. Все тихо, тихо...»

Дальше идет описание местности, которое я опускаю, переходя к следующему отрывку. «Все предвещает грозу. И вот начинаешь прислушиваться: слышен крик ястреба, стук телеги на большой дороге. Станция за пятнадцать верст: слышен стук паровоза...»

Затем следует описание грозы и возвращения домой и переход к другому настроению: «Прошло два года. Зима. Вьюга на улице. Ветер воет... И вспоминается тот вечер, и тянет снова в деревню... Скоро ли теплое, благодатное лето, с треском кузнечиков на жнитве, с полным ликом луны, смотрящим из-за березы в саду, с душистыми липами... А на улице снег падает хлопьями, летает и кружится в вихре...»

В этом отрывке не все одинаково удачно. Хуже всего описание грозы, которое я выпустил. Конец довольно банальный. Но простота, краткость и некоторые чёточки в описаниях уже приближают его к литературе.

Очень мила Сашина сказочка «Летом», помещенная в январском приложении 1895 года. В ней много собственной выдумки, написана она совсем просто, и приключения жуков, составляющие ее содержание, и до сих пор могут быть интересны детям младшего и даже среднего возраста. По форме, да и по замыслу эта вещь значительно выше приведенного

²⁰ Из стихотворения Пушкина «Городок» (1814).

мною отрывка, сочиненного годом раньше. Это уже настоящая детская сказка, написанная с большим знанием природы и не без юмора. Чтобы покончить с Сашиной прозой, упомяну о двух его статьях, появившихся в 1896 году: «О начале русской письменности» (март) и «Рецензия выставки картин императорской Академии Художеств» (апрель). Первая статья написана очень популярно, толково и коротко. Отзывы о картинах указывают на несомненный интерес к живописи. Суждения в общем верны, но не оригинальны, однако по ним уже видно, что художественное развитие Саши было в 16 лет значительно выше уровня среднего зрителя более зрелого возраста.

Перехожу к стихам. В 1894 году появилось 5 стихотворений Саши. Они двоякого рода. Два из них: «Боевое судно» (сентябрь) и «Судьба» (декабрь) эпические с героическим оттенком. Этот жанр совсем не удался Саше. Стихи вышли непрочувствованные, неуклюжие и совсем не самостоятельные. «Судьба» написана трудным размером «Замка Смальгольм», который местами не выдержан. Влияние «Замка Смальгольм» заметно на многих оборотах и образах стихотворения. Все это было бы не беда, если бы самый замысел баллады был интересней задуман. Но это не вышло. Саша взял слишком трудную тему, для которой у него не хватило ни зрелости, ни фантазии. Привожу несколько характерных и более удачных выдержек:

На вершине скалы показался огонь,
Разгораясь сильнее и сильнее,
Из огня выступал огнедышащий конь
И на нем – рыцарь «Мрачных теней».
Он тяжелой десницей о шею коня
Оперся и в раздумье сидел,
Из железа его дорогая броня,
И на землю он мрачно глядел.
.....
И загробным он голосом мне говорит:
«Встань, проснись, подымись и пойдем,
Я – **Судьба**, от меня никуда не уйдешь,
Всех убью я железным копьем».

Рыцарь «Мрачных теней» являлся три ночи, неузнанный. На четвертую ночь он привел свою дочь Смерть «в белом всю и с косой на плечах» и открыл свою тайну.

«Ты не слышал меня, ты не понял меня,
Вот пришла и четвертая ночь,
И тогда оседлал я другого коня
И привез я к тебе свою дочь»...
И приблизилась **Смерть**, и по мне, по всему,
Пробежала холодная дрожь,
И последнее слово сказал я ему:
«От **Судьбы** никуда не уйдешь!»

«Боевое судно» (август) проще по замыслу, но картина бури и гибели боевого крейсера тоже не удалась Саше. Привожу выдержки:

Несется он, рулю покорный,
Клубится пена вслед за ним,

И океан шумливый, бурный,
Не скоро может сладить с ним.

Описание бури начинается следующей неудачной строфой:

Трещат брамстеньги, мачты клонит,
Вокруг кичится океан,
В снастях безумно ветер стонет,
Густым становится туман.

.....

Волна пришла, залиты люки,
Вода в каюту с шумом льет.
О, сколько горя, слез и муки
Волна безумная несет.

Боевое судно гибнет, стихи заключаются следующими строками:

Бушует ветер в скалах пустынных.
Несется чайка над водой,
И океан шумливый, бурный,
Слился в протяжный тяжкий вой.

Все эти картины надуманы и написаны не с натуры, потому, вероятно, и форма стихов так плоха. Лирические стихи вообще лучше эпических. Почти все они антологического характера. В некоторых уже чувствуется лиризм и передано известное настроение. Первое стихотворение «Весна» (февраль 1894 г.) еще довольно неуклюже, но в нем есть совсем простые, искренние строки, чего вовсе нет в эпических стихах, приведенных выше. Вот начало этого стихотворения:

Весною, раннею порою,
Когда блестит в траве роса,
И белоснежной пеленою
Задержаны бывают небеса,
Когда жужжит в траве назойливая муха,
И эхо песни птичек отдает,
И из травы показывает ухо
Слепой работник – старый крот,
Все полно жизни, свежей влагой веет
От листьев и травы, закапанных росой,
И, распускаясь, зеленеют
Леса, и пчелок вьется рой...
и т. д.

Помещенное в сентябрьском номере стихотворение «Серебристыми крылами» уже напечатано в моей биографии. Форма его значительно лучше предыдущего, оно даже музыкально, но лиризма в нем еще нет. Стихотворение «Вечер», помещенное в одном из приложений 1894 г. (автору 14 лет), по форме подходит к предыдущему, во всяком случае не ниже его, а по настроению выше. Привожу его целиком.

Вечер

Ночь идет. Заходит солнце,
Не блестит лесной ручей,
А в лесу на ветке дуба
Песню грянул соловей.
Лес уснул, кругом прохлада,
Звонче пенье соловья.
Встань под зелень старой ели
И послушай шум ручья
И прислушайся, как звонко
Он по камешкам бежит,
За волной волна вдогонку
Шаловливо как спешит.
Но зима заменит лето,
Все погибнет подо льдом,
И не даст тебе ответа
Соловей в лесу глухом.

Привожу целиком и последнее из помещенных в этом году стихотворений – «Осенний вечер». В нем есть совсем хорошие строки, и размер рисует настроение, но конец слабее начала. Вот оно:

Осенний вечер

Цветы полевые завяли,
Не слышно жужжания стрекоз,
И желтые листья устлали
Подножье столетних берез.
Звезда за звездой катится
И тонет в лазури она,
Роса на траве серебрится,
В прозрачном тумане луна.
И звон колокольный далеко
Несется, гудит за рекой,
И темное небо глубоко,
И месяц стоит золотой.

Лирических стихов Саши в «Вестнике» больше не появлялось. В 1895 году есть два эпических стихотворения, оба очень слабы. В феврале помещен «Лесной гигант».

Качая темною главой,
Лесной гигант стоял,
Своей пахучею смолой
Он землю орошал.
.....

На нем годов уж виден след,
И просит смерти он.
И внял господь на небесах
Мольбам высокой ели,
И пал гигант, сраженный в прах,
На моховой постели...
и т. д.

Помещенный в январском приложении «Водопад» совершеннее по форме, но лишен искренности и не прочувствован. По мысли автора, «Водопад»

Подточил утесов своды
И в стремленьи их унес.
Но, как будто мстя за брата,
Весь утес свалился вниз
И чернеющей громадой
Над пучиною повис.
И пучина вод смирилась,
Водопад замедлил бег,
Там, где лишь волна катилась,
Уж проходит человек.
.....
И по руслу водопада,
Где ужасный шум умолк,
Меж уступами громады
Лишь струится ручеек.

Тут и Пушкин, и Лермонтов, но Блока пока вовсе нет, а все вместе слабо. Все последующие стихи Саши, помещенные в «Вестнике», носят юмористический характер. Этот жанр ему и тогда удавался. Приведу два стихотворения. Первое было помещено в октябре 1895 года.

* * *

Горько рыдает поэт,
Сидя над лирой своею разбитой,
Лирой, венками когда-то увитой,
Всеми покинутый, всеми забытый.
Муза ушла от него,
Стих его рифмою дышит пустою,
Счастливо время поэта бывшее,
Страшно грядущее все роковое...
Время поэта прошло.
Плачет он горько над лирой разбитой,
Лирой, когда-то венками увитой,
Всеми покинутый, всеми забытый...

(Декадентские стихи).

А. Блок.

Эти стихи носят явный след влияния классической формы. В июньском номере 1896 года появились стихи, посвященные Диане (собаке), с особым посвящением в старинном стиле. Привожу целиком эти стихи, как лучший образчик Сашиной юмористики того времени.

Посвящается Диане

Полон гнева и клубники
Я стоял меж гряд зеленых,
Меж цветами повилики,
Близ дорожки запыленной.
Розы пышные алели,
Аромат распространяли,
И пастушьей песни трели
То гремели, то смолкали.
Но ни к пастырю в долине
Я не мог свой слух склонить,
Ни к раскидистой рябине
Взор умильный обратить.
Сильным гневом распаленный,
Наконец я так устал,
Что с улыбкою надменной
На кровать свою упал!
И подобно черной туче
Грозной молнией дышал,
Но, смиряя гнев свой жгучий,
Я до вечера проспал.

.....
Я проснулся: все клубника
Багровела меж листов,
И белела повилика,
Обвиваясь вкруг цветов.
И тотчас же грустью нежной
Переполнилась душа:
Ах! Зачем мой гнев безбрежный?
Как природа хороша!..

А. Блок.

Посвящается Диане

Сии стихи, мой друг бесценный,
К тебе из-под пера текут,
И я рукою дерзновенной

Вручаю Диане драгоценной
Бесхитростный, но честный труд.

А. Блок.

В виде пояснения к этим стихам сообщаю, что пейзаж его и вся обстановка взяты с натуры. «Пышные розы» действительно атели на кустах, видневшихся из окна тогдашней Сашиной комнаты. Из этого низкого окна Саша выпрыгивал прямо в сад и отправлялся влево, где за кустами роз шла солнечная лужайка, засаженная грядами клубники, которую с каким-то особым искусством умела выводить бабушка. Тут же была и повилика, и «запыленная дорожка», которая выводила в другую часть сада. А внизу лужайки, против Сашиного окна росла «развесистая рябина». Да и «трели пастушьей песни», т. е. рожка, ежедневно раздавались с дальних лугов из-за ручья, протекавшего в долине и под горой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Университетский ботанический сад устроен моим отцом в конце шестидесятых годов на большом участке, который удалось ему отвоевать для университета от плаца Павловского училища. Сад окружен с 3-х сторон каменной стеной. Пройти в него можно с университетского двора, из дальнего его конца, примыкающего к бирже. Он разделен на две равные части. Посередине построен трехэтажный ботанический дом с аудиториями для студентов, кабинетами профессоров и квартирой садовника. К нему примыкает оранжерея. В левой части сада был разбит настоящий сад с разнообразными деревьями, дорожками, прудом и горкой, тут же были и прекрасные цветники. В другой части сада было ныне запущенное учебное поле, состоявшее из многочисленных квадратов, засаженных растениями всевозможных пород, по которым учились студенты. Отец мой состоял директором сада, причем не получал за это никакого жалованья, но в виде некоторой компенсации пользовался растениями из оранжерей и цветами из сада.